

ДУШКІН
І
ШЕВЧЕНКО

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕНЧИКОВА

7-9-40
НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕННИКОВА

НОВІЕ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПУШКИНА и ШАВЧЕНКИ.

ЛЕЙПЦИГЪ, | LEIPZIG,
Вольгангъ Гергардъ. | Wolfgang Gerhard.

1859.

30
6785

Молитва.

Я слышалъ — въ келии простой
Старикъ — молитвою чудесной,
Молился тихо предо мной:

„Отецъ людей! Отецъ небѣсный!
Да Имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да прійдетъ Царствіе Твое!
Да будетъ воля Твоя съ нами
Какъ въ небѣсахъ, такъ на земли!
Насущный хлѣбъ намъ ниспошли
Твоею щедрою рукою! —
И какъ прощаемъ мы людей,
Такъ насъ ничтожныхъ предъ Тобою,
Прости Отецъ своихъ дѣтей!
Не ввергни насъ во искушенья!

И отъ лукаваго прельщенія
Избави насъ“.....

        предъ крестомъ
Такъ онъ молился! Свѣтъ лампы
Мерцалъ чуть-чуть издалека....
А сердце чаяло отрады
Отъ той молитвы старика!

А. Пушкинъ.

Цапли.

Жилъ, да былъ пѣтухъ индѣйскій,
Цаплѣ руку предложилъ,
При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ.
Онъ молилъ дѣтей какъ дара,
И услышалъ Саваоѣ:
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣтуховъ.
Цапли выросли, отстали
Отъ младенческихъ годовъ, —
Длинны, очень длинны стали
И глядятъ на куликовъ.
Вотъ пришла отцу забота
Цаплей замужъ выдавать;
Онъ за каждой три болота
При замужствѣ хочетъ дать;
Но комужъ придетъ охота
Цаплю замужъ себѣ взять?

Цапли чахли, цапли сохли;
 Наконецъ, скажу вздохнувъ,
 На болотѣ передохли,
 Носикъ въ перья завернувъ.

А. Пушкинъ.

Послание Аркадію Гавриловичу Родзянко.

Ты обѣщаль о романтизмѣ,
 О семъ Парнасскомъ Аѳеизмѣ
 Потолковать еще со мной
 Полтавскихъ музъ повѣдать тайны,
 А пишешь мнѣ объ ней одной...
 Нѣтъ, это ясно, милый мой,
 Нѣтъ, ты влюбленъ Пиронъ Украины!

Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
 На свѣтѣ женщины прекрасной?
 Улыбка, взоръ ея очей
 Дороже злата и честей
 Дороже славы разногласной...
 Поговоримъ опять объ ней.

Хвалю, мой другъ, ея охоту,
 Поотдохнувъ рожать дѣтей
 Подобныхъ матери своей;
 И щастливъ кто раздѣлитъ съ ней

Сію пріятную заботу —
 Ненаведетъ она зѣвоту.
 Дай Богъ чтобъ только Гименей
 Межъ тѣмъ продлилъ свою дремоту.

Но не согласенъ я съ тобой,
 Не ободряю я развода:
 Во первыхъ, Вѣры долгъ святой,
 Законъ и самая природа....

А во вторыхъ замѣчу я,
 Благопристойные мужья
 Для умныхъ женъ необходимы;
 При нихъ домашніе друзья
 Иль чуть замѣтны, иль незримы.
 Повѣрьте, милые мои:
 Одно другому помогаетъ,
 И солнце брака затмѣваетъ
 Звѣзду стыдливую любви.

А. Пушкинъ.

1826 Г.

Кавказъ.*)

За горами горы, хмарой повыты
 Засіяны горемъ, кровью помыты
 Съ поконъ вику Прометея
 Тамъ орелъ карае
 Що день Божій добри ребра
 Й сердце розбивае
 Розбивае та не выпье
 Живучою крови,
 Вона знову оживае
 И сміетця знову
 Не вмирае душа наша
 Не вмирае воля
 И несытый не выдере
 На дни моря — поля

*) Слѣдующія стихотворенія были намъ присланы, на молороссійскомъ языкѣ, съ примѣчаніемъ что Стихи Шавченки — выраженіе всеобщихъ, накопившихъ слезъ не онъ плачетъ о Украинѣ — она сама плачетъ его голосомъ.

Примѣч. Редактора.

Не скуе̃ души живои̃
И живого слова
Не понесе слава Бога
Велькаго Бога!

Не намъ на при зъ тобою статы,
Не намъ дила твои судить,
Намъ тильки плакать, плакать, плакать,
И хлибъ насущный замисить,
Кровавымъ потомъ и сліозами...
Каты згнушаютьца надъ нами,
А правда наша — пьяна спить....
Кольжъ воны прокоснутця?... Кольжъ од-
почыты
Дасы Боже утомленнымъ и намъ дасе̃
житы?...

Мы вируемъ твой сыли,
И слову твоему,
Встане правда, встане воля,
И тоби Едному
Поклонятца вси языки
На віки и вики!.....
А покищо — течуть ріки,
Кровавий ріки!.....

За горами горы хмарою помыты
Засіяны горемъ, кровью помыты

Оттомъ то милостивы мы
Ненагодовану и голу
Застукалы сердешну долю

Тай цькуемò лягли кисть мы
Людей муштрованыхъ, чы мало?
А сліозъ?... а крови.... напоить
Всихъ Царекивъ бы стало
Эъ дитьми и внуками
Въ словахъ вдовыци и дивочихъ
Пролитыхъ нышкомъ середъ но́чи...
А матернихъ горячихъ сліозъ!
А ба́ткиныхъ стòрыхъ кровавыхъ?...
Не ріки — море розльгось —
Огненне море —!... Слава, слава!
Хортамъ и гончимъ и псарямъ
И нашимъ батюшкамъ Царямъ.

Слава!

И вамъ слава сыни гòры
Крыгою окути
И вамъ дыкари велики
Богомъ незабуты...

Борытца — побòрете! Вамъ Богъ помогае
За васъ сыла, за васъ воля

И правда святая!
Чурекъ и сакля все твое

Воно непрóшене й не дане
 Нихто не визме за свое
 Не поведе тебе въ кайданы!...
 . . . . .
 . . . . .
 На те нисчасны мы
 Чытаемъ Божіи глаголы
 И адъ глыбóкой тюрмы
 Та до високаго Престолу
 Уси мы въ золоти . . . . .
 . . . . . Мы не погани,
 Мы настоящи Христіане,
 Храмы, иконы,
 Все добре, самъ Богъ у насъ....
 Намъ тильки сакля въ очи коле
 Чогò вона стоить у васъ
 Не наши зано!... И чомъ мы вашъ
 Чурекъ же вашъ, до вамъ некінемъ
 Якъ тій собащи... и чомъ вы намъ
 Платыть за сонце неповинни!...
 . . . . .
 . . . . .
 И тильки жъ то? мы малымъ сыты
 А зато кодыбъ вы зъ нами подружылись
 Богато-де чогò бъ навчылись:

У насъ же й свита якъ на те —
 Одна Сибирь неисходима!
 А тюрмъ, а люду — що й лычить!
 Отъ молдаванына до Финна
 На всихъ языкахъ, вси молчать —
 Бо благоденствуемъ!... у насъ
 Святую Библию чытае
 Святый Чернецъ и наукае
 Що царь якій — съ то свыній пасъ,
 Та дружню жинку взявъ за себе
 А друга вбывъ — теперъ на неби....
 Ось бачъ яки у насъ сыдять на неби!
 Вы ще тёмны
 Святымъ Хрестомъ непросвѣщенни
 У насъ научытеся.....
 У насъ — дыры, дыры — та дай
 Тай прямо въ рай
 Дочь и ридню всю забирай!
 У насъ... Чого то мы не вмиемъ?!
 Французски лаемъ, гричну сіемъ,
 Продаемъ, або у карты програемъ
 Людей..... — не Негривъ, а такихъ
 Таки крещеныхъ, то простыхъ....
 Мы не Гишпане; крый насъ Боже!

Щобъ крадене перекупать
Якъ ти жида... мы по закону!

По закону Апостола
Вы любите брата
Суесловы лицемѣры
Господомъ прокляты!

Вы любите на братови шкуру
А не душу — той луныни позакону.
Дошци на кожушòкъ
Жинци на потымки
Байстрюкови на придане
Собижъ на тѣ, чого не знаютъ
Ни диты, ни жинка.

За кого жъ ты роспынався
Хрысте Сыне Божій!
За насъ добрыхъ, чы за слово истинны?
Чѣе може, щòбъ за тебе насміяльсь?
Воно жъ такъ и сталося!!!... —
Храмы, каплыщи и иконы
И стòлпыми и мирры дымъ
И передъ образомъ Твоимъ
Неутомленніи поклоны,
За кражу, за вѣйну, за кровь,
Щò братню кровь промыти просятъ
А потимъ въ даръ Тоби приносятъ
Съ пожару вкраденный покровъ.

Просвѣтылысь, та ще хочемъ другихъ про-
свѣтиты
Сонце правды показать, слѣпымъ, бачымъ,
дытямъ
Всеуму научимъ — тильки дайте себя въ руки
взяты

Якъ и тóрьмы муроваты
Кайданы коваты,

Якъ ихъ носытъ, и якъ плести
Кнуты узловаты;

Всеуму научымъ, тильки дайте свои гòры,
Остатки гòры — бо все взяли и поле и море.

И тебе загналы мій друже единый
Мій Якове добрый! — Не за Украину,
А за ій ката довелось промытъ
Кровь добру, не чорну, — довелось запытъ
Зъ Москòвскои чарки, Московску отраву
О, друже мій добрый, друже незабутый,
Живòю душòю въ Украйни вытай;
Литай зъ козакомъ по надъ берегамы
Розрыты могылы въ степу выгладай,
Заплачь зъ козаками дрибными сліозамы,
И мене зъ неволи въ степу выгладай.

Шавченко.

Холодный Яръ.

У всякого свое лыхо
 И въ мене те лыхо
 Хочь не свое, позичене
 А все таки лыхо.
 Нашобъ бацьця тѣ згадувать
 Що давно минуло,
 Будѣть Богъ знае колышне
 Добре що заснуло.
 Хочь и яръ той: воне до іого
 И стежки малѣи
 Не осталось и здаеця
 И то нихто й ногою
 Не ступывъ тамъ, а згадаешъ,
 То була й дорога
 Зъ монастыра Мотрынова
 До яру страшного
 Въ яры колысь Гайдамăки
 Таборомъ стоялы
 Логодылы самопалы,

Ратыщо стругалы.
 У яръ тоди сходыллѣся,
 Мовъ изъ хреста зняты
 Батько зъ сыномъ, а братъ зъ братомъ
 Одностойне статно
 На ворога лукаваго
 На лютаго Ляха.
 Дежъ ты дився въ яръ глыбокій
 Протопанный шляху?
 Чы самъ зорись темнымъ лисомъ,
 Чы то засадили
 Нови каты? Щобъ до тебе
 Люде не ходилы.
 На параду шо имъ дѣять
 Зъ добрыми панами,
 Людоидами лыхымы,
 Новыми Ляхами,
 Не сховаете, — надъ Яромъ
 Зализнякъ вытѣе
 И на Умань позырѣе
 Гоиту выглядае,
 Не ховайте, не топчите
 Святого закона,
 Не зовите преподобнымъ
 Лютого Нерона.
 Не славтеся царевою

Святою войною
 Бо вы й сами не знаете
 Що царыки ноять;
 А крычытє, що несетє —
 И душу и шкуру
 За отечество.... Ей Богу
 Овеча натура!
 Дурный тыю подстовляе
 И не знае за що,
 То ще й Гонту зневажае, —
 Ледаче, ледащо:
 „Гайдамаки не воины
 „Разбойники, воры,
 „Пятно въ нашей Исторіи!“...
 Брешеш людоморе!
 За святую правду — волю
 Розбійнымъ не стане
 Не роскує закованный
 У ваши кайданы
 Народъ тёмный;
 Не зариже лукавого сына
 Не розибье живє сердце
 За свою Краину
 Вы разбойники несыты
 Голодни вороны;
 По якому правдывому

Святому закону —
 И землею всимъ данною
 И сердешнымъ людомъ
 Торгуете.... стережытцяжъ
 Бо лихо вамъ буде
 Тяжко лихо! Дурыть дитей
 И брата слипого,
 Дурыть себя, чужыхъ людей
 Но недурить Бога
 Бо въ день радости надъ вами
 Роспадетця кара
 И повіе новій огонь
 Съ Холоднаго Яра! —

Шавченко.

Думка.

Якъ умру, то поховайте
Мене на могили,
Середъ степу широкого
На Краини мьлій;
Щобъ лажы широкополи
И Днипро и Круча
Було видно; було чуты
Якъ ревѣ ревучій,
Якъ то течѣ зъ Украины
У сынее море
Кровъ ворѣжа... отоди я
И ланы и горы
Все покину и полечу
До самого Бога
Молитыся... а дотого
Поховайте, то вставайте
Кайданы порвите,
И вражою, злою кровью
Волю окропите.
И мене въ семьи великій
Въ семьи водній, новій,
Не забудьте помянуты
Не злымъ, тихимъ словомъ.

Шавченко.

Розрыта могила.

Свите тихій, краю мильй,
Моя Украина
Защо тебе сплюндровано,
Защо мамо гинешъ?
Чи ты рано до схидъ сонца
Богу не мольлася,
Чи ты диточекъ непевныхъ
Звичаю невчыла?
Мольлася, турбовалася,
День и ночь неспала
Моихъ дитокъ доглядала
Звичаю навчала.
Вырѣстали мои диты
Мои добри квиты
Понувала и я колысь
На широкимъ свити
Панувала... О Богдане
Нерозумный сыну

2*

Подивись теперь на матеръ
 На свою Краину,
 Що колытучи спивала
 Про свою недолю
 Що спиваючи рыдала
 Выглядала волю.
 Ой Богдане Богданочку,
 Якъ бы була, знала,
 У колысци бѣ придутыла,
 Подъ сердцемъ приспала,
 Степы мои запродани
 Жидови, Нымоти
 Сыны мои на чужьни,
 На чужій работи.
 Днипрѣ, братъ мій, высыхае
 Мене покидае,
 И могилы мои милы
 Москаль розрывае.....
 Нехай рые, роскопуе
 Не свое шукае....
 А тымъ часомъ перевертнѣ
 Нехай пидростають,
 Та поможуть Москалеви
 Господаровати.....
 Та зъ матери полѣтану
 Сорочку здійматы....

Помогайте недовчодны,
 Матирь катувати...
 На четверо роскопала
 Розрыта могила,
 Чого воны тамъ шукалы
 Що тамъ схороннылы
 Стари батьки? — Эхъ якъ бы — то,
 Якъ бы то знайтвы те, що тамъ схороннылы,
 Не плакалы бѣ диты, матибѣ, не рыдала!
 Шавченко.

Думка.

За думою дума роємъ вьлитає
 Одна давить сердце, друга роздырає
 А третяя тихо, тихесенько плаче
 У самому сердци, може й Богъ небачыть
 Кому жъ ий покажу я
 И хто тую молу
 Привитое, угодає,
 Велькее слово?
 Все оглухлы, похилымысь
 Въ кайданахъ — байду же...
 Ты смієся, а я плачу
 Велькій мій друже,
 А що вродить зъ того плачу?
 Богинѡва брате....
 Незаревуть въ Украини
 Вольнїи гарматы,
 Не заріже батько сына,
 Своєи дьщыны,

За честь, славу, за братерство
 За волю Краины;
 Не заріже, выкохає
 То й продасть въ ризныци
 Москалеви... цебъ тобачышь
 Лепто у довыщы,
 Престолови, отечеству,
 То Нымоти плата —
 Нехай брате — а мы будемъ
 Сміятця, та плакать.

Шавченко.

И мертвымъ и живымъ и ненарожденнымъ землякамъ моимъ въ Украини и не въ Украини, мое дружное посланіе.

Аще кто речеть, яколюблю Бога а брата своего ненавидитъ — ложь есть. Иоанн. гл. IV ст. 20

И смеркае и свитае
 День Божій минае
 И знову людъ потомленный
 И все спочивае.
 Тольки я мовъ окаанный
 День и ночь блукаю
 На распуттяхъ велелюдныхъ
 И нихто небачить
 И небачить и незнае,
 Оглухлы, нечувають,
 И Господа вневожакють
 Людей запрягають
 Въ тяжкі ярма. Орють лыхо,

Лыхомъ засивають
 А що вродить? Побачыю
 Яки будуть жыва!
 Схаменытця недолюдни
 Диты юродывы,
 Подывитця на край тыхій
 На свою Краину;
 Подлюбите щирымъ серцемъ
 Вельку руину!
 Раскуйтеся, братайтеся;
 У чужому краю —
 Не шукайте, не пытайте
 Того що немае
 И на неби, а нетильки —
 На чужому полю;
 Въ свой хати — своя правда
 И сыла и воля! —

Нема на свити Украини
 Немае другого Днипра
 А вы претёся на чужбину
 Шукаты добраго добра,
 Добра святаго, воли, воли!
 Братерства братняго! Найшлы —
 Неслы, неслы зъ чужого поля
 И въ Украину принесли

Велькихъ словъ, велькихъ силу —
 Тай бильше ничого. Крѣчьте
 Що Богъ создавъ васъ не на те,
 Щобъ вы неправди поклонялись! —
 И хилытєсь якъ хилылись,
 И знову шкуру деретє
 Зъ бративъ незрячихъ, грѣкосивъ,
 И сонця правды дозривать.
 Въ Нымєцьки земли, нечужїи
 Претєся знову! Якъ бы взяты
 И всю мистерїю зъ собою
 Дидами крадене добрò,
 Тодибъ zostався сыртою
 Зъ святыми горами Днипрò! —

Отъ якъ бы те сталося, що бъ вы не вертылись,
 Щобъ тамъ издыхалы де бы порослы
 Не плакалы бъ диты, маты бъ не рыдала,
 Не чулыбъ у Бога вашой хулы.

И сонце не грѣлобъ смердячого того
 На чыстїй, шорокїй, на вольнїй земли,
 И люди бъ не знали що вы за орлы
 И не покивалы бъ на васъ головою! —

Схамєнитця, будьте люде, —
 Бо лихо вамъ буде,

Раскуютця незаборомъ
 Заковани люде.
 Настане судъ: заговорятъ
 И Днипрò и горы
 И потечє сто риками
 Кровь у сыне море
 Дитей вашихъ.... И не буде
 Кому помогаты:
 Оццураетця братъ брата
 И дитыца маты;
 И дымъ хмарою заступитъ
 Сонце передъ вами,
 И на вики проклянетєсь
 Своими сынами;
 Умылтєся! Образъ Божїй
 Бачномъ не скверните,
 Не дурыте дитей вашихъ
 Що вони на свити
 На те тильки, щобы пануваты;
 Бо невечєне око
 Заглянє имъ въ саму душу,
 Глыбоко, глыбоко!
 Дознаютця небожата
 Чьєя на васъ шкура
 Тай засядуть.. и премудрихъ
 Немудри одурять. —

Якъ бы въздысь, такъ якъ треба,
 Той мудрость бы була своя,
 А то залізете на небо:
 „И мы не мы, и я — не я.
 „И все то бачывъ и все знаю
 „Нема ни пекла и ни раю
 „Нема и Бога — тильки я!...“
 Та куцый нѣмецъ узловатый
 А бильшь никого.... добре брате,
 Що жъ ты такѣ? —

„Нехай скаже

„Нѣмецъ, мы не знаемъ....“

Оттакъ товы навчаетесь

У чужому краю!

Нѣмецъ скаже: вы Моголы,

„Моголы, Моголы,

„Золотого Тамерлана

„Онучаты голы!“

Нѣмецъ скаже: вы Славяне,

„Славяне, Славяне

„Славныхъ прадидывъ велькихъ

„Правнуки погани!“

И Каляра читаете.

Зъ у сѣя свелы

И Шафарика и Ганку

И въ словянофилы

Такъ и претѣсь.... и вси мовы
 Славянскаго люду,
 Вси знаете,... а своєю
 Дастъ Богъ... колысь будешъ
 По своему глаголаты
 Якъ нѣмецъ покаже
 А до того й исторію
 Намъ нашу роскаже.
 Отгоди мы заходимось!
 Добре! заходимысь!
 По Нѣмецкому показу
 Та й заговорылы,
 Такъ чтой нѣмецъ невторопѣ
 Учитель велькій,
 А не те, щобъ прѣсти люде!
 А гвалту, а крику!
 „И гармонія и сила!...“
 Музыка — та й годи
 А Исторія? „Поэма
 „Вольного народу,
 „Щоти Римляне убоги
 „Чорто зна що — не Бруты!
 „У насъ Бруты и Коклеса,
 „Славни, незабуты;
 „У насъ воля выростала
 „Днипромъ умывалась,

„У головы горы клада
 „Степомъ укрывалась!...“
 Кровью вона умывалась
 А спала на купахъ,
 На казацкихъ вольныхъ трупахъ
 Окраденныхъ трупахъ

Подвыйтця лышень добре
 Прочитаите знову
 Тую славу. Та читайте
 Одъ слова до слова,
 Не мыняйте а ни титла
 Ниже тиі комы,
 Все разберыть,.... та спытайте
 Тоди себе: що мы?
 Чиі диты? Якихъ батькивъ?
 Кимъ, за що закути?
 То й побачыте що... ось що,
 Ваши славни Бруты:
 Рабы пидныжки, грязь Москвы,
 Варшавске смитти ваши паны
 Ясневельможные гетьманы
 Чого жъ вы чванытєся, вы,
 Сыны сердешной Украины?
 Що добре ходыте въ ярми,

Ще лучше якъ батьки ходымы?
 Не чваньтєсь! Эъ васъ деруть ремень,
 А зъ ихъ бувало й лиі топылы.
 Може чваньтєсь, що братство
 Вижу заступыло,
 Що Сынопомъ, Трапезунтомъ
 Галуцки ворыло?
 Правда, правда! Найдалысь,
 А вамъ теперь водыть
 И но Сичи мудрий нымець
 Картопельку садыть;
 А вы ей купуете
 Истє на здоровье
 Та славите Запорожьє....
 А чєю кровью
 Отà земля напоена,
 Що картопля рòдыть?
 Вамъ байду же... а бы добра
 Була для горòду!
 А чваньтєсь, шомы Польшу
 Колысь завалылы;
 Правда ваша Польша впàла
 И васъ роздавыла!

Такъ ось якъ кровь свою лылы
 Батьки за Москву и Варшаву

И вамъ сынамъ передады
Свои кайданы — свою славу:

Доборолась Украина
До самого краю,
Гирше Ляха свои диты
Ии распинають.
Замись пыва проведную
Кровь изъ реберъ точать
Просвितыты, кажуть, хочуть
Материны очи,
Современными огнями
Повесты за викомъ,
За Нымцями — недорику,
Слипую калику.
Добре! Ведыть, показуйте —
Нехай стара маты
Навчаецца, якъ дитей тыхъ
Новыхъ доглядаты.
Показуйте! за науку
Не турбуйтеся — буде
Материна добра пизта;
Распадетця людъ
На очахъ вашихъ несытыхъ...
Побаайте славу —
Живу славу дидывъ своихъ

И батькòвъ лукавыхъ!
Не дурьте сами себе,
Учытесь, чытайте
И чужому научайтесь
И своего нечурайтесь:
Бо это мать забувае,
Того диты цураютця
Въ хату не пускають,
Чужи люди прогоняють
И не мое злому
На всій земли безконечной
Веселого дому.
Я рыдаю якъ згадаю
Дила незобути
Дидывъ нашихъ: тяжки дила!
Якъ бы ихъ забуты
Я оддавъ бы веселого
Вику половыну.
Отъ то она наша слава
Славо Украины!
Оттакъ и вы прочитайте
Щобъ не соннымъ снялись,
Вся неправди, щобъ раскрылись
Высоки могилы
Передъ вашими очами
Щобы роспыталы —

Мученькивъ: кого, колы
 Зѣщо роспыналы!
 Обнымитежь браты мои
 Наименьшого брата
 Нехай маты усмихнетьца
 Заплаканы маты!
 Благословить дитей своихъ
 Твердыми руками
 И жиночокъ поцилуйте
 Вольными устами.
 И забудетьца срамотна
 Давня годына
 И оживе добра слава
 Слава Украины!
 И свить ясный, невечерній
 Тыхо засяе...
 Обнымытца жь браты мои
 Молю вась, благаю.

Шавченко

В. Л. Пушкину.

Скажи парнасскій мой отецъ,
 Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ,
 Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
 И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
 Ужели тотъ, кто иногда
 Жжетъ ладонь Аполлону даромъ,
 За честь не смѣетъ безъ стыда
 Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
 И, если можно, города?
 Беллона, музы и Венера
 Вотъ кажется святая вѣра
 Дней нашихъ всякаго пѣвца.
 Я шлюсь на русскаго Буфлера
 И на Дениса Храбреца;
 Но не на Глинку офицера
 Довольно плоскаго пѣвца,
 Не нужно мнѣ его примѣра...
 Ты скажешь: перестань болтунъ!
 Будь человекъ, а не драгунъ;

Парады, караулъ, ученя
 Все это оды не внушить,
 А только душу изсушить,
 И къ Марину для награжденья
 Быть можетъ прямо за коцитъ
 Пошлютъ читать его творенья.
 Послушай, дядя милый мой,
 Ступай себѣ къ слѣпой Фемидѣ —
 Ты съ дипломатикой косой!
 Кропай мой другъ посланья къ Лидѣ,
 Оставь военные грѣхи,
 И въ сладостяхъ успокоенья
 Пиши сенатекія рѣшенья
 И пятистопные стихи;
 И не съ гусарскаго корнета —
 Возьми примѣръ съ того поэта,
 Съ того, котораго рука
 Нарисовала Ермака,
 Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта
 И плѣнь могучаго Махмета,
 И мужа модные рога;
 Который милостію Бога
 Министръ и сладостный пѣвецъ
 Былъ строгой чести образецъ,
 Какъ образецъ онъ будетъ слога.
 Все такъ, почтенный дядя мой,

Почтенъ, кто глупости людскою
 Рѣшитъ запутанные споры;
 Умень, кто хитрости рукой
 Переплетаетъ межъ собой
 Дипломатическіе вздоры
 И правитъ нашу судьбой.
 Смѣшенъ конечно мирный воинъ
 И эпиграммы самой злой
 Въ извѣстныхъ святцахъ онъ достоинъ.
 Что восхитительнѣй, живѣй,
 Войны, сраженій и пожаровъ,
 Кровавыхъ и пустыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
 И что завиднѣй кроткихъ дней
 Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
 Вдали забавъ и нѣгъ и грацій,
 Какъ жилъ безсмертный трусъ Гораций
 Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
 Не знаютъ свѣта принужденья,
 Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
 Даютъ обѣды и сраженья,
 Поютъ и рубятся въ бояхъ.
 Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
 О комъ за пѣсни, за дѣла

Гремитъ правдивая хвала,
 Кто славиль Марса и Темиру
 И бранную повѣсилъ лиру
 Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
 Но вы враги трудовъ и славы
 Питомца Феба и забавы
 Вы мирной праздности друзья
 Шепну вамъ на ухо вы правы
 И съ вами соглашаюсь я!
 Богъ создалъ для себя природу
 Свой рай и счастье глупцамъ,
 Злословіе мужчинъ и моду
 Конечно для забавы дамъ,
 Заботы знатному народу,
 Дурачество для всѣхъ, — а намъ —
 Уединеніе и свободу!

А. Пушкинъ.

1817.

Цензору.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой!
 Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
 Не бойся, не хочу, прельщенный славой ложной
 Цензуру поносить хулой неосторожной!
 Что нужно Лондону, до рано для Москвы,
 У насъ писатели я знаю каковы:
 Ихъ мыслей не стягнетъ цензурная разправа,
 И чистая душа передъ тобою права.
 Во первыхъ искренно я признаюсь тебѣ,
 Нерѣдко о твоей жалбѣ я судьбѣ:
 Людской безмыслицы присяжный толкователь,
 Хвостова, Буниной единственный читатель,
 Ты вѣчно разбирать обязанъ ихъ грѣхи:
 То прозу глупую, то глупые стихи!
 Россійскихъ авторовъ нелегкая тревожить,
 Тотъ англійскій романъ съ французскаго предложить,
 Тотъ оду сочинить, потѣя и крехтя,
 Другой трагедію напишетъ намъ шутя;
 До нихъ намъ дѣла нѣтъ, — а ты читай, бѣсися,
 Зѣвай сто разъ, засни, а послѣ подпишися.
 Нашъ цензоръ мученикъ; порой захочетъ онъ

Умъ чтенемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюфонъ,
 Державинъ, Карамзинъ манять его желанье;
 Но долженъ посвятить безмолвное вниманье
 На бредни новыя какаго-то враля,
 Которому досугъ пѣть рощи, да поля!
 Да связь утрата въ нихъ, ищи ея сначала,
 Или вымаравай изъ тощаго журнала
 Насмѣшки грубыя и площадную брань,
 Учтивыхъ авторовъ затѣйливую дань!
 Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священный,
 Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный,
 Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ,
 Но мнѣнья не тѣснить и разумъ терпитъ онъ.
 Блюститель тишины, приличія и нравовъ,
 Не преступаетъ онъ начертанныхъ уставовъ,
 Закону преданный, отечество любя;
 Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
 Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
 Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
 Онъ другъ писателей, предъ знатію не трусливъ,
 Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
 А ты глупецъ и трусъ? что дѣлаешь ты съ нами?
 Гдѣ должнобъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
 Не понимая насъ, марашь и дерешь,
 Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
 Сатиру — пасквилямъ, поэзію — развратомъ,

Гласъ правды — мятежемъ, Куницина — Маратомъ,
 Рѣшилъ, а тамъ поди, хоть на тебя проси.
 Скажи, не стыдно-ли, что на святой Руси
 Благодаря тебѣ не видимъ книгъ доселѣ?
 И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
 То славу русскую и здравый умъ любя,
 Самъ Государь велитъ печатать безъ тебя!
 Остались намъ стихи: поэмы, триолеты,
 Баллады, басенки, элегии, куплеты,
 Досуговъ и любви невинныя мечты,
 Воображенія минутныя цвѣты...
 О варваръ! кто изъ насъ владѣтель русской лиры —
 Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры!
 Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ,
 Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
 Ни слогъ пѣвца, порывъ столь чистый, благородный,
 Ничто не трогаетъ души твоей холодной....
 На все кидаешь ты косою невѣрный взглядъ,
 Подозрѣвая всѣхъ, во всемъ ты видишь ядъ!
 Оставь пожалуй трудъ ни мало не похвальный;
 Парнасъ не монастырь, и не гаремъ печальный;
 А право, никогда искусный коновалъ
 Излишней пылкости Пегаса не лишалъ:
 Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ: чьи забавы
 Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
 Тотъ не подвергнется взысканью твоему,

Тотъ незнакомъ тебѣ, — мы знаемъ почему,
 И рукопись его не погибая въ летѣ,
 Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
 Барковъ шутивныхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
 Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ
 И Пушкина стихи въ печати не бывали,
 Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
 Но ты свое несешь, и въ нашъ премудрый вѣкъ
 Едвали Шаликовъ не вредный человекъ!
 Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
 Скажи, читалъ ли ты наказъ Екатерины?
 Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ,
 Свой долгъ, свои права, пойдешь инымъ путемъ.
 Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходный —
 Невѣжество казнилъ въ комедии народной,
 Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
 Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица!
 Державинъ, бичъ вельможъ при звукѣ громкой лиры,
 Ихъ горделивые разоблачилъ кумиры!
 Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ?
 Наперстникъ душеньки двусмысленно шутилъ —
 Киприту иногда являлъ безъ покрывала,
 И никому изъ нихъ цензура не мешала...
 Ты что-то хмурился? Признайся, въ наши дни
 Съ тобой не такъ легко-бъ раздѣлялись они?
 Ты въ этомъ виноватъ? Передъ тобой зеркало

Дней Александровыхъ прекрасное начало!
 Повѣдай, что въ тѣ дни произвела печать?
 На поприщѣ ума нельзя намъ отступать,
 Старинной глупости мы праведно стыдимся;
 Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
 Когда никто не смѣлъ отечество назвать
 И въ рабствѣ позвали и люди и печать!
 Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло губительное время:
 Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
 Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ!
 Исправся жъ, будь умнѣй и сбрось вражды ты бремя.
 „Но можноть цензору по совѣсти судить?
 Конечно вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
 Я долженъ то того, то этого бранить!
 Читаю, да крещусь, мараю на удачу.
 На все есть мода, вкусъ; бывало на примѣръ:
 У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
 А нынѣ и Милотъ попался въ наши сѣти!“
 Я бѣдный человекъ, къ тому жъ жена и дѣти!“
 Жена и дѣти, другъ, повѣрь большое зло,
 Отъ нихъ все скверное у насъ произошло;
 Но дѣлать нечего! Такъ если невозможно
 Тебѣ скорѣй домой убраться осторожно
 И службою своею ты нуженъ для царя,
 Хоть умнаго себѣ возьми секретаря!

Льву сергѣвичу Пушкину.

Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
Не лишень разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

А. Пушкинъ.

181—

Це видання є фотоскопічне відтворення видання „Пушкин и Шавченко“, 1859 р., Лейпціг, з примірника, що зберігається в Народному Комісаріаті Освіти УРСР.

*Державне Літературне
Видавництво УРСР*

535678

Відповідальний
по випуску
Н. Д. Чередник
Техкерівник
Я. Бронштейн

846282

Друкарня ім. М. В. Фрунзе. Харків,
вул. Фрунзе, 6. Уповноважений Голов-
літу 278. Замовлення 68. Тираж 3.000.
3 друк. арк.

Видання 226. Нап. ф. 72 × 110. Здано в
роботу 25-XI-36 р. Підписано до друку
28-1-37 р.

13

НАЦІОНАЛЬНА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

37- 673

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕННИКОВА

В бархатній оправі
літа 10 крб.

